

Лейкин Николай Александрович

На лоне природы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
На лоне природы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 458 с.

ISBN 978-5-519-92943-1

ISBN 978-5-519-92943-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

I.

Далеко, однако... Ъхали, ѡхали... говорила дама, выходя на станціи изъ поѣзда на платформу.

— Что за далеко! Пятьдесятъ съ небольшимъ верстѣ, отвѣчалъ ея мужъ.—За то ужъ тутъ будетъ настоящая дача. Это не то, что въ пригородныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь въ Лѣсномъ, въ Гражданкѣ или даже въ Шуваловѣ. Какая тамъ дача! Человѣкъ на человѣкѣ сидитъ. Ни воздуху настоящаго... ничего... Въ Шуваловѣ воздухъ-то еще хуже, чѣмъ въ Петербургѣ въ Казанской или Пушкинской улицѣ, особливо въ срединѣ лѣта. А тутъ ужъ прямо лоно природы.

— Такъ-то оно такъ, однако ты рассчитай проѣздъ. Вѣдь и проѣздъ дороже...

— Проѣздъ дороже, но за то помѣщеніе и жизнь дешевле... Тутъ вѣдь дачъ въ томъ смыслѣ, какъ ты привыкла понимать, нѣтъ. Живутъ въ деревнѣ, нанимаютъ у крестьянъ избы. Иванъ Васильевичъ въ прошломъ году платилъ за избу изъ трехъ комнатъ что-то сорокъ рублей съ дровами. При этомъ садикъ.

— Да неужели? удивилась жена.

— Изъ-за этого-то я тебя и привезъ посмотрѣть помѣщеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ. Гдѣ ты найдешь какую-нибудь дачу въ Лѣсномъ или Гражданкѣ за сорокъ рублей, не говоря уже о Шуваловѣ! Да и вообще здѣсь жизнь дешевле. Здѣсь нѣтъ ни разносчиковъ-торговцевъ, ни этихъ самыхъ акулъ-мужиковъ шуваловскихъ и парголовскихъ, старающихся содрать за бутылку поддѣльнаго молока пятіалтынный.

Они сошли съ платформы. У платформы сидѣли въ полуразвалившихся телѣжкахъ два мужика. Худыя, заморенныя лошаденки потряхивали бубенчиками.

— Не подвезти ли, ваша милость? слышалось предложеніе.

— Въ Капустино.

— Въ Капустино? Да что съ васъ взять-то? Рубликъ положьте.

— Что ты, что ты! Да вѣдь Капустино отъ станціи всего три версты.

— Мы, ваше благородіе, считаемъ четыре.

— Мало ли что вы считаете. Да хоть бы и четыре! Развѣ можно за четыре версты...

— За восемь гривенъ садитесь! крикнулъ краснорожій мужикъ.

— Чего ты лѣшій, цѣну-то сбиваешь! Анаѡема! Баринъ и рубль бы далъ... обругалъ его мужикъ съ подбитымъ глазомъ.

— Тридцать копѣекъ, посулилъ баринъ.

— Шагай пѣшкомъ.

— Грубіяны!

Мужъ и жена тронулись въ путь. Грязь была непролазная. Приходилось проходить по узенькой протоптанной тропинкѣ. Ноги скользили. Сдѣлавъ шаговъ тридцать, мужъ обернулся и крикнулъ:

— Сорокъ копѣекъ дамъ!

— Да вѣдь оттуда порожнемъ придется ѣхать.

— Зачѣмъ порожнемъ? Мы обратно поѣдемъ.

— А долго тамъ пробудете?

— Да дачу намъ посмотрѣть. Къ обратному поѣзду насъ и привезешь.

— Такъ вѣдь это на четыре часа. Ну, полтора рубля положьте.

— Тѣфу ты пропасть! Рубль...

— Не бери, Силантій, дешевле полутора рублей. Баринъ дастъ. Я цѣны сбивать не стану, ежели мнѣ двугривенничекъ пожертвуешь, сказалъ мужику съ подбитымъ глазомъ краснорожій мужикъ.

— Ну, рубль съ четвертью.

— Дешевле не поѣду, отвѣчалъ мужикъ съ подбитымъ глазомъ и отвернулся.

Мужъ и жена стали шептаться.

— Надо дать, сказала жена. — Тутъ просто утонешь въ грязи. У меня хорошіе польскіе сапоги въ семь рублей. Что за радость ихъ испортить!

— Ну, давай, чортъ тебя дери! раздраженно крикнулъ мужъ.

— Пожалуйте сюда обратно. Мнѣ нужно съ товарищемъ расчитаться, а денегъ у меня нѣтъ.

— Зачѣмъ же мы къ тебѣ по грязи обратно поидемъ? Подѣзжай сюда самъ.

— Понимаете, ваша милость, мнѣ нужно ему двугривенный отдать, а ежели я къ вамъ поѣду, онъ можетъ подумать, что я и совсѣмъ уѣду, пояснялъ мужикъ съ подбитымъ глазомъ.

— Ну, да ладно. Поѣдемъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, барынѣ шагать грязно. Баринъ добрый, авось, за это мнѣ пяточокъ на стаканчикъ пожертвуетъ, прибавилъ краснорожій мужикъ и, стегнувъ лошадь, поѣхалъ вмѣстѣ съ товарищемъ.

Мужъ и жена стали садиться въ телѣжку къ мужику съ подбитымъ глазомъ.

— Двугривенничекъ вы прежде вонъ товарищу позвольте, сказалъ тотъ. — Это ужъ за меня. А мнѣ потомъ двугривеннаго не додадите.

Мужъ далъ. Краснорожій мужикъ подбросилъ двугривенный на рукѣ.

— Четвертачекъ, баринъ, четвертачекъ. Еще пяточокъ къ этому прибавьте, проговорилъ онъ.— Это ужъ отъ себя.

— За что? Съ какой стати?

— Помилуйте, да за что же нибудь я къ вашей милости подѣзжалъ. Вы мнѣ пяточокъ на шкаликъ дадите, а мы за васъ Богу помолимся.

— Ничего я тебѣ больше не дамъ, отрѣзалъ мужъ и сталъ подсаживать въ телѣжку жену.

Краснорожій мужикъ заругался:

— Экъ, сквалыжникъ! А еще баринъ. Нѣтъ, видно, не баринъ, а шупера изъ какихъ-нибудь бродягъ. Да и въ барыни-то себѣ такую же подобралъ.

— Молчи, мерзавецъ! крикнулъ мужъ.

— О, такъ сейчасъ и испугался! Такъ сейчасъ и замолчалъ! Много тутъ такой шентропы шляется. Шляпу надѣлъ, да и думаетъ, что онъ и баринъ.

— Вася! Да кликни ты городского. Вѣдь долженъ же быть тутъ гдѣ-нибудь на станціи городской!

— Какой же, милая, въ деревнѣ городской! Нѣтъ, ужъ надо такъ оставить, пренебречь, пробормоталъ мужъ, влѣзая въ телѣжку, и крикнулъ мужику съ подбитымъ глазомъ: — Пошелъ скорѣй!

Возница стегнулъ лошадь и поѣхалъ. Краснорожій мужикъ не унимался. Онъ тоже ѣхалъ сзади и продолжалъ ругаться.

— Не барыня, а дрянъ—вотъ какой номеръ! кричалъ онъ.—Думаетъ, что шляпку треухомъ на голову надѣла, такъ ужъ и барыня. Держи карманъ! Барыня, да не съ того конца. Ахъ, природы! Пятачка мужику жалѣете! Прислуга изъ горничнаго сословія, да и та подчасъ не жалѣетъ.

— Послушай, что же это такое! возмущился мужъ.— Я сейчасъ поѣду за урядникомъ, ежели онъ не прикончитъ ругаться, обратился онъ къ мужику съ подбитымъ глазомъ.—И ты будешь свидѣтелемъ безобразія. Гдѣ у васъ урядникъ?

Мужикъ съ подбитымъ глазомъ сталъ уговаривать товарища:

— Уймись, Михей. Ну, что тебѣ?.. Вѣдь ужъ двугривенный съ меня получилъ.

— Ахъ, черти, черти паршивые! опять крикнулъ краснорожій мужикъ.

— Это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! Такъ оставить нельзя. Вези къ уряднику!.. заоралъ во все горло мужъ.

— Урядникъ, ваша милость, въ восьми верстахъ. Плюньте... Онъ отстанетъ—уговаривалъ сѣдока мужикъ съ подбитымъ глазомъ.

Краснорожій мужикъ ввернулъ въ заключеніи еще ругательное словечко и, удержавъ свою лошадь, сталъ ее поворачивать назадъ.

— Ну, разбойники здѣсь у васъ! Да вѣдь вы

просто разбойники! произнесъ мужъ, багровѣя отъ злости.

— Не разбойники, сударь, а просто онъ пьянъ. Пьянъ со вчерашняго. Вчера у нихъ въ деревнѣ кабакъ новому арендателью сдавали, такъ кабатчикъ поилъ даровымъ виномъ, отвѣчалъ мужикъ съ подбитымъ глазомъ.

Лошаденка, шлепая по грязи, тащила телѣжку.

II.

Проѣхали съ полверсты и вѣхали въ маленькую деревушку въ пять-шесть дворовъ. Дорога сдѣлалась еще грязнѣе. Колеса телѣжки вязли въ грязи по ступицу. Въ грязи валялись жерди, вѣтви ельника, набросанныя для укрѣпленія дороги, но еще больше дѣлавшія ее убійственною. Сѣдоки—мужъ и жена подпрыгивали въ телѣжкѣ, качались изъ стороны въ сторону.

— Держись крѣпче, а то вылетишь, сказалъ мужъ женѣ.

— Да и то держусь, но боюсь, прикушу языкъ при тряскѣ, отвѣчала та.

— Стисни зубы — вотъ и не прикусишь. Послушай, землякъ, тутъ всегда такая дорога? обратился мужъ къ везшему ихъ мужику.

— Нѣ... Только по веснѣ, да развѣ въ сильные дожди. А лѣтомъ, какъ подсохнетъ, такъ что твое шоссе... Тутъ глина. Пока она размокши — ну, и того... а подсохнетъ, такъ что твой камень.

— Ежели и лѣтомъ здѣсь такая дорога, то Богъ съ ней и съ дачей въ здѣшней мѣстности, проговорила жена, то держась руками за бортъ телѣжки, то поправляя съѣхавшую на затылокъ шляпку отъ тряски.

— Нѣ... Будьте безъ сумнѣнія насчетъ лѣта. Ухабы—это точно, ухабы есть, а только сухо, чудесно, успокоивалъ мужикъ.

Хотя деревушка была всего изъ пяти-шести дворовъ, но у крайней избы, выстроенной нѣсколько отдѣльно отъ другихъ избъ, надъ воротами было какое-то подобіе полинявшей вывѣски и стоялъ большой шестъ, а на немъ была вздѣта бутылка.

— Ваше благородіе, вотъ здѣсь выпить можно. Прикажете остановиться? сказалъ мужикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Съ какой стати выпивать! отвѣчалъ мужъ.

— Тутъ и пиво хорошее есть. Ваша барынька тоже съ нами бы выпила.

— Ничего не надо. Ни водки, ни пива не надо.

— Да вы сами-то не пейте, а мнѣ поднесите.

— И тебѣ не надо. Отъ тебя и такъ, какъ изъ кабака разить.